

УСТАРЕВШИЕ ЧЕШСКИЕ ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ В ПОБУДИТЕЛЬНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

А.И. Изотов

В чешском языке, наряду с фамильярным обращением к собеседнику «на ты» (tykáni) и вежливым обращением «на вы» (vykáni), существует также устаревшее разговорное обращение «на они» (onikáni) и разговорное фамильярно-покровительственное обращение «на он» (onkáni). А поскольку в рамках любой этикетной формы общения, будь то «тыканье», «выканье», «ониканье» или «онканье», должна предполагаться возможность обратиться к собеседнику с побуждением, данное явление безусловно имеет право быть рассмотренным в рамках описания средств и способов экспликации данной коммуникативной функции.

«Ониканье»

«Ониканье» обязано своим возникновением существовавшему когда-то чешско-немецкому двуязычию и представляет собой вежливое обращение к собеседнику формой, совпадающей с презентно-футуральной формой 3 лица мн. числа индикатива. Войдя в чешское речепотребление в XVIII веке, «ониканье», в качестве очевидного германизма, весьма не приветствовалось деятелями чешского национального возрождения¹, так что начиная уже с первых десятилетий XIX века сфера его употребления ограничивается некодифицированной речью, ср. некоторые примеры из чешских классиков: *Šourková se při tomto připomenutí trochu zakabonila: „A jdou, ani mi nevzpomínají! Starej se mi na svůj svátek natáh <...>.“* (К. Н. Mácha. Martin Zemla); *Vstávají, pane redaktor, / nelekej se, / jdeme v noci, nejsme však zlodeji, / jenom komise.* (К. Havlíček Borovský. Tyrolské elegie); *„No, tedy nám povědí, jak to bude a kdo všechno tam bude?“*

¹ Сопоставив прикладные грамматики чешского языка XVIII века, можно наблюдать, как «ониканье» вытеснило непрямую адресацию, контаминированную с «онканьем», а потом было само вытеснено «выканьем»: *Dobreg den můg Pane / gak se má?* (Jandyt, 1705) → *Dobry den, můg Pane, gak se magj?* (Pelcl, 1775) → *Dey Pán Bůh dobrý den, gak se máte?* (Pelcl 1795; 1798). Начиная с 1810 года «ониканье» исчезает со сцены, тогда как ранее оно было одинаково обычным как для переводных, так и для оригинальных пьес. Многие деятели чешского национального возрождения (vlastenci), вначале письменно «оникавшие», ближе к рубежу XVIII-XIX веков в письмах, адресованных своим единомышленникам, заменяют «ониканье» «выканьем», но по прежнему «оникают» в своей прочей корреспонденции. Наблюдения и примеры *Betsch M. Zur Entwicklung des Systems der Anredepronomen in Tschechischen 1700-1850 // Beiträge der Europäischen Linguistik (POLYSLAV) 1 / Giger M., Wiemer B. (Hrsg.). München, 1998. S. 37-44.*

vyzvíдалa paní Klepandová (B. Němcová. Kávová společnost); „*Tak si ji jdou koupit do Pražského deníku!*“ *odsekla baba a přidala několik jaderných hrubostí a nadávek.* (L. Stroupežnický. Pták z říše bájí); „*Líbějí přece vylézt, pane domácí; vždyť je tam plno neřesti,*“ *pobízel ho starostivý Würfel.* (S. Čech. Nový epochální výlet pana Broučka tentokrát do patnáctého století); *Človče, hodějí se do civilu!* (I. Olbracht. Kariéra Eduarda Žáka); *Ale taky nikomu nic neříkají ... ani muk!* (J. John. Holínky dědy Pejšáka); „*Policejní ředitel, váš šéf, jest mým strýcem!*“ *A ukazuje na nešťastného pana Markupa, zvolal: „Odvedou ho!“* (J. Hašek. Perzekuce nové strany kruhy vládními); *Ale řeknou mně, kam moh jít, když neměl na těle ani kšandu!?* (K. Čapek. Zmizení herce Bendy).

Современные чешские авторы могут насыщать «ониканьем» речь персонажей тех своих произведений, действие которых происходит в прошлом — в XIX-начале XX века (либо в абстрактном прошлом мира волшебной сказки). Так, Ё. Марек использует «ониканье» в романе «Мой дядя Одиссей» и в сборнике «Паноптикум старых криминальных историй», Я. Копш — в «криминальной хронике старой Праги», авторы журнала «Дикобраз» — в миниатюрах «из жизни старых пражан», И. Брдечка и О. Липски — в фильме «Адела еще не ужинала» о пражских приключениях американского супердетектива Ника Картера, Я. Дрда — в литературных «Чешских сказках», ср. например: [*извозчик приежжему:*] *Tak si sednou a povědí mi, já jich dovezu jako v peřince.* (J. Marek. Můj strýc Odysseus); *Pane Šmídmajer, oni mi tu zdržujou moje lidi, a já je potřebuju jinde! Už toho nechaj a jdem!* (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů); *Pamatujou si, paní Vejmelková, že jsem ještě nikdy nikomu nic špatného neřekla a neřeknu.* (Dikobraz); *Tak jdou, jdou, pane čerchtant, nic se neosteňchají, vemou si se mnou krapítek májové houbovky!* (J. Drda. Zapomenutý čert);

«Ониканье» нередко сопровождается и лексическими германизмами (в том числе отсутствующими в литературном языке), ср. следующий пример, просто избыточный ими (нем. *putzen* — ‘чистить’, *das Gewehr* — ‘винтовка’, *der Gefreute* — ‘ефрейтор’, *der Lauf* — ‘ствол’): *Tohle že je vypisovanéj kver? Nestyděj se? A to chtějí být frajtrej? <...>. Dám jim lauf protáhnout, zatím počkaj!* (Nájemník 1910, č. 5)

Эти германизмы могут быть даже графически не освоены (нем. *die Münze* — ‘1. монета. 2. монетный двор’ -*werk* — суффикс с собирательным значением, ср.: *Tak Karpíšek, kde mají ten svůj münzwerk? Nic nezapírají, všechno se ví do puntíku!* (J. Korpš. Pražské pitavaly).

В качестве явного германизма обращение «на они» могло интерпретироваться как более официальное. Так, «оникает», обращаясь к уважаемому клиенту, трактирщик («Nový epochální výlet pana Broučka

tentokrát do patnáctého století» С. Чеха), от смущения начинает «оникать» старый крестьянин, оказавшись перед английским королем («Klapzubova jedenáctka» Э. Басса). «Оникать» может безработный, обращаясь к фабриканту (кинофильм Hej Rup), или школьный сторож, говоря с пожилым учителем (кинофильм Cesta do hlubin študákovy duše). Поначалу «оникает» незнакомцу (но уже на второй день начинает «тыкать») бабка Плайзнерка из литературной сказки Яна Дрды «Zapomenutý čert».

Показательно, что «ониканье» может восприниматься как более официальное не только по отношению к «тыканью», но и по отношению к «выканью». Об этом могут свидетельствовать следующие два примера, в которых Говорящий «оникает», отдавая распоряжение непосредственному подчиненному, и «выкает», обращаясь к иному лицу, ср.: *Strážmistr, zřetelně pohnut pohledem na dobrodušnou Švejkovu tvář, dodal: „A nevzpomínejte [«выканье»] na mne ve zlém. Vezmou [«ониканье»] ho, pane záměstí, tady mají bericht“.* (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka); *O vás [«выканье» — А. И.] půjde bericht k soudu,“ stručně řekl rytmistr; „pane strážmistr, zavřou [«ониканье»] oba muže, ráno je přivedou [«ониканье»] a pošlou [«ониканье»] mně do bytu“.* (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka).

Еще более показателен в этом плане следующий пример, в котором «ониканьем» сменяется «тыканье», когда один рядовой начинает проводить со своим товарищем воинские упражнения, ср.: *Ted' budeš dělat [«тыканье»] pohyby těla na místě. Rechts um! Člověče! Voni jsou [«ониканье»] kráva! Jejich [«ониканье»] rohy mají se octnout tam kde měli [«ониканье»] dřív pravý rameno. Herstellt! Rechts um! Links um!* (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka).

Впрочем, речь идет о едва намеченной тенденции и никак не о закономерности, поскольку в абсолютном большинстве случаев «ониканье» и «выканье» романе Я. Гашека находятся в свободном варьировании, ср. некоторые из многочисленных примеров их совмещения: *„Nechte si [«выканье»] své učenosti,“ přerušil ho desátník, „a jdou [«ониканье»] raději zamést cimru, dneska je na nich [«ониканье»]“; „Polibte [«выканье»] ještě, bábo, křížifix,“ poroučel strážmistr, když Pejzlerka za ukrutného vzlykotu odprísáhla a pokřížovala se zbožně. „Tak a ted' zas odnesou [«ониканье»] křížifix, odkud si ho vypůjčili [«ониканье»], a řeknou [«ониканье»], že jsem ho potřeboval k výslechu!“.*

Малая представленность «ониканья» в художественных текстах объясняется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что тогда, когда данное явление было живо в речи носителей чешского языка (период чешско-немецкого двуязычия), оно не допускалось в печатный текст как нелите-

ратурное и даже «непатриотическое», а когда право авторов печатать все, что они считают нужным, было признано, «ониканье» уже ушло в прошлое. Единственное художественное произведение, содержащее «ониканье» просто в изобилии — «Похождения бравого солдата Швейка...» Я. Гашека, шокировавшее современников своим языком (в послесловии к первой части романа Я. Гашек специально предупреждает читателей, что в дальнейших главах «...и солдаты, и штатские будут говорить и поступать так, как они поступают в действительности.» — цит. по русск. переводу П. Богатырева). Ср. некоторые из полутора сотен примеров побудительного «ониканья» в романе: *Švejk, oblékou se a půjdou k výslechu!*; *Lezou ven a nežvanějí!*; *Moc se nám tady neroztahujou!*; *Nelekají se, pane feldkurát!*; *Pane Herolde, jsou tak laskav, hrajou durcha a neblnou!*

Интересно, что для «ониканья» характерны в целом те же способы оформления побуждения, что и для «выканья» или «тыканья». Так, наряду с рассмотренными выше конструкциями, которые, являясь основным средством экспликации побуждения в рамках «ониканья», коррелируют тем самым с императивными конструкциями 2 лица — основным средством выражения побуждения в рамках «выканья» и «тыканья», в нашем материале представлены следующие средства и способы экспликации побуждения:

Перформативные конструкции

Выражаемое в рамках «ониканья» перформативное побуждение теоретически будет отличаться от стандартного (т.е. выражаемого в рамках «выканья» или «тыканья») лишь формой обозначающего адресата побуждения местоимения, ср. неоконченное: *Milostpane, proboha jich prosím*, “*ozvalo se žalostně z kuchyně, ale Švejk již končil svou válečnou píseň.*” (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*).

Следующий пример демонстрирует усложнение эксплицитной перформативной формулы: Говорящий не равен Прескриптору, ср.: *Pane kantýnskej, pan cuksfír Bartoš nechá se poroučet a prosí, aby mu poslali dvě športky, večer prý je zaplatí.* (Nájemník 1910, č. 5).

Отметим, что *prosím vás* закономерно трансформируется в *prosím jich* и тогда, когда речь идет о его переходе в полифункциональную частицу со сложной семантикой, ср.: *Švejcárková pokynula rukou, jako by chtěla říci: „Inu, prosímich, to jináč nejde!“*, a *ubírala se zvolna dále.* (K. H. Mácha. *Martin Žemla*); *Prosimich, s dovolením, kam to půjdem?* (J. John. *Oščádalův kufírek*).

Аналитические конструкции с *at'*

Как известно, в рамках «выканья» и «тыканья» аналитические конструкции *at'* + 2 *лицо индикатива* в современном чешском речепотреблении выражают эмоционально окрашенное категорическое побуждение. Так же и в рамках «ониканья» персонаж Я. Гашека обращается к конструкции с *at'*, когда «обычное» ониканье не помогло (при этом, естественно, конструкция *at'* + 2 *лицо индикатива* трансформируется в конструкцию *at'* + 3 *лицо индикатива*), ср.: „**Poslouchají, bábo,**“ *řekl strážmistr k Pejzlerce, přísně se jí dívaje do obličeje, „seženou někde krucifix na podstavci a přinesou ho sem.“ Na tázavý pohled Pejzlerky zařval strážmistr: „Koukají, at' už jsou tady!“* (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*).

Аналитические формы с *račit, hledět, koukat, líbit se*

В рамках «ониканья» возможны и аналитические императивные конструкции с *račit, hledět, koukat, líbit se*, ср.: „**Račej odpustit, pane inšpektor,**“ *řekl nejistým hlasem, „já to udělat musel“.* (J. Marek. *Panoptikum starých kriminálních příběhů*); *Tak ani tam nechodějí, jdou raději na Radomyšl, ale hledějí tam přijít k večeři, to jsou všichni četníci v hospodě.* (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*); *Panímámo, nelibějí se zlobit, ale tadyhle posílá rukama starostovejma Sejnohova žena holínky a mají hned vrátit dvacet zlatech — jinak řek starosta, aby žalovala.* (J. John. *Holínky dědy Pejšáka*); **Koukaj vypadnout!** (фильм Adéla ještě nevečeřela).

Конструкции с «фатизированными» формами

Так же, как и в рамках «тыканья» или «выканья», в рамках «ониканья» императивные формы некоторых глаголов, в частности, глаголов *poslouchat* ‘слушать, подслушивать, слушаться’ и *vědět* ‘знать’, находясь в начале высказывания, могут частично утрачивать свое лексическое значение и начинают функционировать как своего рода сигнал, предваряющий особо важную, по мнению говорящего, информацию, ср.: **Kouknou, pane šéf, jestli chtějí pro mě něco udělat, dají mně na večeři.** (кинофильм *Hej Rup*); **Poslouchají, já už mám před penzí, ale jsem rád, že jsem ještě na konci zažil takovou náhodu, jakou bych si nikdy ani neuměl představit.** (J. Marek. *Panoptikum starých kriminálních příběhů*); „**Vědí co, dám tedy zlatý padesát,**“ *nabízel písař.* (L. Stroupežnický. *Pták z říše bájí*).

Конструкции с кондиционалом

Так же, как и в рамках «выканья» или «тыканья», в рамках «ониканья» побуждение может быть эксплицировано конструкцией с кондиционалом, при этом речь может идти о конструкциях как с отрицанием, так и без него, ср.: [*коррумпированный полицейский — сообщнику:*]

Vědí, i kdybysme je vzali na pár hodin hop, ježíšmarjá, ne aby se dali zaleknout a otvírali zobák. (I. Olbracht. Kariéra Eduarda Žáka); „*Penze je krásná věc, aby věděli,*“ *řekl potom a napsal recept.* (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů).

Конструкции с модальными глаголами

Так же, как и в рамках «выканья» или «тыканья», в рамках ониканья побуждение может выражаться тематизацией необходимости или возможности каузируемого действия, что в чешском языке осуществляется прежде всего с помощью конструкций с модальными глаголами *muset* ‘быть должным, обязанным’, *moci* ‘мочь’, *smět* ‘сметь’, *mít* ‘иметь’ с отрицанием и без него, ср. некоторые примеры из романа Я. Гашека: „*Dobrá,*“ *řekl Švejk,* „*to mně musejí dát písemně, aby se vědělo <...>, kdo mně to udělal; Nemusejí se bát* vlézt do nich; „*Pane rechnerfeldvébl,*“ *hlásil mu Švejk,* „*mají hned jít k magacínu, tam už čeká Fuchs s 10 maníky, budou se fasovat konzervy. Mají běžet laufšrit. Pan lajtnant dvakrát už telefonoval*“; *Do Brucku nás vezou, jestli chtějí, pane obrfeldkurát, můžou ject s námi; No nesmějí tak rychle, to musejí hodně pomalu.*

Тематизация полезности / неполезности

Так же, как и в рамках «выканья» или «тыканья», в рамках «ониканья» побуждение может эксплицироваться тематизацией *полезности* для адресата каузируемого действия (семантическая интерпретация побуждения: *совет*) либо тематизацией негативных последствий осуществляемого или же планируемого адресатом действия, т. е. тематизацией его *неполезности* (семантическая интерпретация: предостережение), ср. примеры из романа Я. Гашека: *Nejlepší udělají, když půjdou s námi ke zdejšímu faráři, aby nám vrátil erární majetek;* „*Pane majore,*“ *budil ho Švejk,* „*poslušně hlásím, že dostanou vši*“.

«Онканье»

«Онканье»³, состоящее в использовании при обращении к собеседнику формы, совпадающей с претеритной или (реже) презентно-футуральной формой 3-го лица ед. числа индикатива, выражает снисходительно-покровительственное отношение к собеседнику. В отличие от «ониканья», «онканье» не маркируется в сознании носителей языка как

² В нашем материале представлено и немодальное употребление глагола *mít* ‘иметь’ в рамках «ониканья», ср.: „*Nemají strachu, pane závodčí,*“ *řekl Švejk,* „*uděláme nejlepší, když se k sobě přivážem. Tak se nemůžem jeden druhému ztratit. Mají s sebou železka?*“ (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka).

³ Или «онаканье», если собеседник женского пола.

относящийся к ушедшей эпохе грамматический германизм⁴. Невысокая употребительность «онканья» может быть обусловлена, на наш взгляд, спецификой его семантики («онканье» более жестко, чем «тыканье» или «выканье»), предполагает определенное соотношение социальных ролей говорящего и адресата), а также его некодифицированностью (последнее обстоятельство становится особенно важным в эпоху массовой коммуникации, когда резко усиливаются процессы, ведущие к унификации и стандартизации языкового пространства). Тем не менее мы можем обнаружить «онканье» в речи персонажей художественных произведений, при этом можно выделить два типа случаев:

Во-первых, «онканье» может встречаться в текстах, созданных тогда, когда данное явление было еще достаточно употребительным, ср.: [*хозяйка — служанке:*] *Nemohla jít k jinému, ona hloupá? <...> No, teda šla k němu, řekla, že se nechám uctivě poroučet, aby měl ještě do prvního strpení, že se s ním spořádám.* (В. Němcová. Kávová společnost); [*хозяин — служанке:*] *Zuzanko, voda je nejzdravější nápoj, zůstala vždy při vodě, bude zdráva a šťastna.* (В. Němcová. Babička); [*посетительница — прохожему:*] *Hezoune, šel si zafilipínkovat.* (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka); „*Nic si z toho nedělal,*“ *těší ho kyprá dáma, až se ožení, pak dá matematice vale.* (K. Poláček. Hostinec u kamenného stolu); *Když se po vyzkoušení studentů vypsaných na jeden den vrátil nahoru do kanceláře, předal sešit paní sekretářce s pokynem: „Přepsala to do epické šíře!“* (P. Bartůňek. Smích z poslucháren).

Во-вторых, к «онканью» обращаются и авторы современные⁵ — речь идет о средстве стилизации. Так, оформленная «онканьем» фраза появляется в фильме К. Стеклого о бравом солдате Швейке (в тексте романа Я. Гашека, положенного в основу сюжета сценария, этой фразы нет!) и в историческом фильме «Пекарь императора», ср.: [*генеральская вдова — слуге:*] *Johan, on musel sofort na korpuskomando;* [*Рудольф II — придворному:*] *Langui, šel sem!*

В качестве стилистического средства использует «онканье» (наряду с «ониканьем») И. Марек, ср.: [*барышня из ресторана — молодому ге-*

⁴ Дело не в том, является ли данное явление германизмом или нет (скорее всего, является, во всяком случае оно явным образом соотносится с принятым некогда в германоязычных странах этикетным способом обращения в 3 лице единственного числа к лицу, стоящему существенно ниже на социальной лестнице, например, обращение дворянина — к слуге, офицера — к денщику и т.п.), а в том, *воспринимается* ли оно в качестве такового в глазах людей, имеющих определенное представление о *современном* немецком языке и не знающих особенно много о его истории, т. е. в глазах среднего чеха.

⁵ В этой связи нам кажется весьма показательным то обстоятельство, что «ониканье» и «онканье», традиционно игнорируемые в научных грамматиках чешского языка, наконец-то нашли отражение в новом труде брненских авторов [Příruční mluvnické češtiny 1996: 595].

рою:] **Kouknul**, chlapečku, **on je** slušnej mužskej, **šel se mnou**, dáme si na pokoji ještě šampus na jejich účet. (J. Marek. Můj strýc Odysseus).

O том, что речь идет о живом, пусть и малоупотребительном языковом средстве, свидетельствует и использование «онканья» в современных художественных переводах на чешский язык, ср. следующий фрагмент, в котором вежливое «выканье» временно сменяется фамильярным «онканьем», когда возникает потребность утихомирить собеседника:

„**Nevzrušujte se** [«выканье»]. *Vím o té záležitosti víc, než si myslíte. A domnívám se, že vám můžu pomoci. Vím, kde ho hledat.*“

Nahnul se přes bar.

„*Kde?*“

„**Pustil** tu košili, *kámo*,“ *řekl jsem potichu a ukázal mu obušek, „jinak se ocít jak dlouhej tak širokej na chodníku a poldům řeknu, že se mu udělalo šoufl.“* [«онканье»]

Pustil mě.

„*Promiňte. Ale řekněte mi, kde je. A taky mi řekněte, jak je možný, že o tom tolik víte.*“

„*Všechno má svůj čas. Jak víte* [«выканье»], *existují kartotéky: v nemocnicích, v sirotčincích, v ordinacích...*“ (R. A. Heinlein; překl. J. Hlavička).

Суммируя изложенное, следует констатировать, что «ониканье» и «онканье», уже долгое время являясь грамматическим архаизмом, проявляют удивительную стабильность, продолжая активно использоваться в произведениях художественной литературы и кинематографе в качестве яркого стилистического средства.

References

- Bartůněk P.* Smích z poslucháren. Praha: Magnet-Press, 1991. 110 s.
Bass E. Klapzubova jedenáctka. Praha: Státní nakladatelství dětské knihy, 1963. 116 s.
Bourali jsme vesele c. k. mocnářství zpuchřele: anekdoty, humoresky a satiry z konce rakousko-uherské říše [J. Mahen, I. Olbracht, F. Dobrovolný, E. Bass, J. John, J. Hausmann, J. Hašek, časopisy Anekdoty a humoresky, časopisy Karikatury, Kopřivky, Hanácké kopřivky, Nájemník, Rašple et al.]. Praha: Melantrich, 1978. 191 s.
Čech S. Výlety pana Broučka. Praha: Melantrich, 1952. 312 s.
Drda J. České pohádky. Praha: ČS, 1965. 272 s.
Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka. Praha: KLHU, 1955. Dd. I-II. 435 s.; Dd. III-IV. 309 s.
Havlíček Borovský K. Vojna s hloupostí a zlobou. Praha: MF, 1981. 304 s.
Heinlein R. A. Všechny tvé stíny / Přeložil J. Hlavička // Od Heinleina po Aldisse. Cesta k science fiction. Praha: AFSF, 1994. S. 33-47.
Kopš J. Pražské pitavalý: Soudní příběhy ze staré Prahy. Praha: ROAD Praha, 1992. 224 s.
Mácha K. H. Básně a dramatické zlomky. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959. 478 s.
Marek J. Můj strýc Odysseus. Praha: MF, 1979. 276 s.

- Marek J.* Panoptikum starých kriminálních příběhů. Praha: MF, 1968. 252 s.
- Němcová B.* Babička. Praha: Odeon, 1981. 255 s.
- Výbor z literatury české XIX. a XX. století [J. Kollar, F. L. Čelakovský, K. H. Mácha, J. K. Tyl, J. V. Frič, K. Havlíček Borovský, K. J. Erben, B. Němcová, J. Neruda, V. Hálek, J. V. Sládek, J. Vrchlický, A. Jirásek, S. Čech et al.]. Moskva: Nakladatelství cizojazyčné literatury, 1958. 768 s.
- Zlatá kniha historických příběhů [V. K. Klicpera, Jan z Hvězdy, J. K. Tyl, P. Chocholoušek, A. V. Šmilovský, A. Jirásek, Z. Winter, V. B. Třebizský]. Praha: Albatros, 1975. 344 s.
- Žeň českého humoru [F. E. Rubeš, J. Neruda, S. Čech, L. Stroupežnický, I. Olbracht, J. John, R. Těsnohlídek, J. Drda et al.]. Praha: Práce, 1952. 268 s.

Изотов, А.И. Устаревшие чешские этикетные формы обращения в побудительном высказывании // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – С. 55-63. ISBN 5-317-00036-X